

Окончание.

Начало см. «РМ» №4040

Александр Сумеркин

«Опыты» Иосифа Бродского

Над книгой «О скорби и разуме»

В «опыте» с неожиданным названием «Altra Ego» («Вторая Я», то есть Муза поэта) формулируется еще одна излюбленная мысль автора: биография не рождает творчество, но из него рождается. «Общее между поэтом и его более косноязычными ближними заключается в том, что его жизнь — заложница его ремесла, а не наоборот. И дело не только в том, что ему за его слова платят (редко и скудно); суть в том, что он тоже за них платит (и часто ужасно) ... Грубо говоря, чтобы свои сочинения продать, а также чтобы избежать штампов, наш поэт должен все время забираться туда, где до него никто не бывал, — умственно, психологически и лексически. И когда он там оказывается, он обнаруживает, что вокруг действительно нет никого и ничего — кроме разве что первородного смысла слова или же изначального различимого звука».

«Похвала скуке», речь на выпускном вечере в Дартмут-колледже в 1989 году, полна остроумных и неожиданных поворотов: Бродский рисует возможные варианты будущих биографий выпускников и завершает выступление напутствием: «Я желаю вам только счастья. Конечно, будет много мрачных и, что еще хуже, скучных часов, в той же мере порожденных окружающим миром, как и вашими собственным сознанием. (...) Ибо вас ждет замечательное, но утомительное путешествие; в сущности, сегодня вы садитесь в поезд с непредсказуемым маршрутом. Никто не может вам сказать, что будет дальше, — менее всего те, кто остается позади. Но они могут с полной уверенностью сказать вам другое: обратно этот поезд не придет. Поэтому попытайтесь извлечь некоторое утешение из того соображения, что, как бы неприятна ни была та или иная станция, поезд на ней останавливается не навсегда».

В «Речи на стадионе» (на сей раз перед выпускниками Мичиганского университета 1988 года) Бродский в той же тональности, сочетающей открытую дидактичность с беспощадной иронией, дает шесть (пронумерованных) «заповедей» вчерашним студентам:

«1. И сейчас и в грядущем — я думаю, это окупится — следите за точностью своего языка. Постарайтесь строить свой словарь и обращаться с ним так же, как вы обращаетесь со своей чековой книжкой. (...)

2. И сейчас и в грядущем постарайтесь по-доброму относиться к родителям. (...) Не бунтуйте против них, ибо, по всей вероятности, они умрут раньше вас, и таким образом вы избавите себя если не от горя, то от чувства вины. (...)

3. Не слишком полагайтесь на политиков — не потому, что они глупы или бесчестны, хотя чаще бывает именно так, а не иначе, но потому что масштабы их задач слишком велики даже для лучших из них. (...)

4. Старайтесь не вылезать вперед, старайтесь быть скромными. (...)

5. Любой ценой старайтесь избежать признания за собой статуса жертвы. (...) В тот момент, когда вы начинаете винить кого-то другого, вы подрываете свою способность что-то изменить. (...)

6. У мира, в который вы вступаете, дурная репутация. Географически он приятнее, нежели исторически, визуальное привлекательнее, нежели социально. Сильно сомневаюсь, что он станет симпатичнее к моменту, когда вы его покинете. Но это единственный мир, у нас имеющийся: альтернативы не существует, а если бы таковая и имелась, нет никакой гарантии, что она была бы намного лучше наличного. (...) Старайтесь не обращать внимания на тех, кто будет стараться сделать вашу жизнь непереносимой. А таких будет много — и официально назначенных, и добровольцев. Если их нельзя избежать, перетерпите, но как можно скорее забудьте о них. (...)

Особняком стоит «Коллекционный экземпляр» — емкая многоплановая фантазия на тему Кима Филби — советского шпиона в Англии, по сюжету, предлагаемому Бродским, несущего значительную долю ответственности за послевоенную геополитическую карту мира. Но шпионажем и политикой дело далеко не исчерпывается: это анатомия предательства, анализ кризиса либерально-демократических идей в предвоенной Европе, соблазна красного «светлого будущего» и послевоенного кризиса ценностей. Как большинство распространенных текстов Бродского, «Коллекционный экземпляр»

разделен на главки-эпизоды, пронумерованные римскими цифрами; в нем автор, как режиссеры 60-х годов, раскрывает перед читателем кинематографическую технику своей композиции, в какой-то момент пуская в оборот монтажную лексику. Это чрезвычайно увлекательный (фантастический?) сценарий нашей общей недавней истории.

«Нескромное предложение» (выступление в Библиотеке Конгресса осенью 1991 года) заключается в чрезвычайно дорогом сердцу автора проекте издания многомиллионными тиражами как можно более дешевых сборников поэзии, который произвел на слушателей большое впечатление, но откуда не получил практической поддержки.

«Письмо одному президенту» написано в ответ на выступление Вацлава Гавела («Посткоммунистический кошмар»), и напечатано в мае 1993 года на страницах «высокособорного» еженедельника «Нью-Йорк ревью оф букс», регулярно представлявшего свои страницы Бродскому — и как поэту, и как эссеисту. Подозреваю, что Бродский подписался бы под восклицанием известного русского правозащитника («Мы хотели не этого!»), и его задела цивилизованная снисходительность чешского президента, биография которого в каких-то чертах сходна с историей самого Бродского. Полемицируя с Гавелом, он формулирует свои политические представления и пристрастия. В частности, Гавел великодушно прощает знакомых, которые, встретив его, только что вышедшего на свободу, на улицах Праги, старались обойти стороной, так как он был для них «неудобством». Гавел проводит параллель между поведением этих знакомых и отношением Запада к только что добившимся свободы странам Восточной Европы.

«А Вы уверены, — обращается Бродский к президенту, — что по крайней мере некоторые из них не видели в Вас просто клейменого обреченного человека, на которого глупо тратить время? Вы не думаете, что, будучи «неудобством» (как Вы настаиваете), Вы были также и

удобным примером неразумного поведения и потому служили источником ощутимого морального утешения — подобно больному для здорового большинства». И далее: «Ни коммунистический, ни посткоммунистический кошмар не сводятся к неудобству, поскольку они помогали, помогают и еще достаточно долго будут помогать демократическому миру экстерниоризировать зло. (...) Не мне Вам рассказывать, что то, что Вы называете «коммунизмом», было провалом человечества, а не политической проблемой. Это была человеческая проблема, проблема нашего биологического вида, а потому — проблема долговечная. Ни как писатель, ни как руководитель страны Вы не должны пользоваться терминологией, которая затемняет реальность человеческого зла, — терминологией, добавлю, изобретенной этим самым злом, чтобы затемнить свою собственную реальность». В качестве средства борьбы против зла Бродский предлагает сериализацию в печати достойной литературы: «Давая своим читателям Пруста, Кафку, Фолкнера, Платонова, Камю и Джойса, Вы, возможно, сумеете превратить по крайней мере одну нацию в сердце Европы в цивилизованных людей». Безусловно, он отдает себе отчет в том, что это пожелание может быть воспринято как чудачество, но идет на это, поскольку действительно верит в целительную силу слова.

В этом контексте особое значение приобретают вошедшие в сборник статьи, посвященные творчеству любимых поэтов: «О скорби и разуме» — о Роберте Фросте; «Привязанность к неодушевленному: четыре стихотворения Томаса Харди» и «Девяносто лет спустя» — о стихотворении Райнера Марии Рильке «Орфей. Эвридика. Гермес». Суть и смысл каждой из этих обширных статей, включающих лишь самый необходимый биографический материал, заключается в тщательном и продуктивном анализе конкретных текстов, в пояснениях и комментариях, на которые способен только поэт, соразмерный перечисленным (поясню, что Брод-

ский исключительно высоко ставил Томаса Харди как поэта, чем немало удивлял многих современников; статья о Харди, возможно, и была написана, чтобы это свое отношение обосновать и доказать). Общая модель в них сходна с конструкцией упомянутого выше разбора цветаевского «одного стихотворения» — «Новогоднее» (ссылаюсь на него, поскольку русским читателям проще этот «опыт» Бродского разыскать и прочесть).

Уникальное «Письмо Горацию» — это самое настоящее письмо, написанное уважаемому и вызывающему симпатии автора коллеге с двухтысячелетней дистанции, в котором речь идет о множестве вещей: о современниках автора и адресата, о латинской поэзии, о текущих (сегодня и две тысячи лет назад) событиях, — это уже не просто «опыт», но «эксперимент», ни на что не похожий и, надо сказать, захватывающий. Этим письмом Бродский предполагал завершить книгу. Но события повернулись так, что завершающим стал уже упоминавшийся текст «Памяти Стивена Спендера». Вот его первая главка:

«Двадцать три года спустя обмен репликами с офицером-пограничником в Хитроу краток.

— Дело или развлечение?

— Как вы назовете похороны?

Взмахом руки он меня пропускает».

Как выясняется из дальнейшего, Стивен Спендер с женой (англичанкой по имени Наташа) летом 1972 года гостеприимно приняли нашего поэта в своем доме в Лондоне, куда он по приглашению и в сопровождении Уистана Одена прилетел из Вены (без паспорта, без денег и с «минимальными разговорными навыками» английского) на съезд общества «Poetry International», задолго перед тем основанного Уистаном Оденем. Бродский узнал и полюбил стихи Спендера еще в России, и здесь, в Лондоне, наконец состоялось их очное знакомство: за семь лет до этого Спендер передал с Анной Ахматовой, приехавшей в Оксфорд в 1965 году для получения почетной докторской степени, две пластинки (оперу Перселла «Дидона и Эней», до последних дней звучавшую в доме Бродского, и стихи английских поэтов в исполнении Ричарда Бертона) и трехцветный университетский шарф для находившегося в ссылке Бродского.

Как бы откладывая осознание утраты, автор начинает вспоминать: о том, как ему впервые попали в руки стихи Одена и Спендера, о своем невероятном первом визите в Лондон, где его нежно опекали Оден и чета Спендеров, о дружбе с ними, длившейся многие годы; он цитирует стихи Спендера и постоянно возвращается к его чуть отсутствующей улыбке, исподволь создавая необычайно привлекательный портрет этого человека. «Люди — это то, что мы о них помним. То, что мы называем жизнью, в конечном счете есть лоскутное полотно, состоящее из чьих-то чужих воспоминаний. Со смертью швы расходятся, и у нас остаются случайные, разрозненные кусочки. Черепки. Или, если угодно, ментальные снимки. С их непереносимым смехом или столь же непереносимыми улыбками. Непереносимыми, ибо одномерными».

Повествование завершается дневниковым описанием панихиды и похорон 21 июля 1995 года (по пути на которые двадцать три года спустя и состоялся обмен репликами с пограничником в лондонском аэропорту).

Последняя большая прозаическая работа Бродского «Памяти Стивена Спендера» датирована 10 августа 1995 года.

Год спустя том, ею завершающийся, дает нам единственную в своем роде возможность воссоздать для себя облик его автора во всей многомерности, ему присущей — и тогда, и сегодня, и завтра.